

СОДЕРЖАНИЕ

Здесь началось археологическое изучение средней полосы России. О судьбах памятников археологии	4
Москва до москвичей: древнейшие находки на территории Москвы.	23
Раннесредневековая Москва. Когда и как возник город	38
Зарядье	95
Гостиный двор и Биржевая площадь	114
Сокровища XVII века из недр Гостиного двора.	124
«Труби трубач сигнал, что мы приехали с посольством!!!» . . .	132
Большая Лубянка и Лубянская площадь. Театральная площадь. Сретенка	134
Петровка. Высоко-Петровский монастырь. Екатерининская больница	147
Бульварное кольцо	157
Арбат. Поварская. Пречистенка	161
Тайны Занеглименья	169
О чем поведал клад эпохи Медного бунта	182
Белый город	201
Московское благоустройство тогда и сейчас	210
Археологическое наследие — груз прошлого или ресурс будущего?	225
Источники	238
Список литературы	239
Список сокращений	254

ЗДЕСЬ НАЧАЛОСЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ РОССИИ. О СУДЬБАХ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ (ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ)

Эта книга посвящена только что полученным археологическим находкам в Москве. Большинство новых научных открытий были сделаны специалистами-археологами, сопровождающими городскую программу «Моя улица». Сейчас никого не удивляет, что археологические исследования являются неотъемлемой частью городской жизни, а находки демонстрируются москвичам буквально «с пылу с жару». Но так было не всегда.

«На каждом шагу Москва — эта Первопрестольная столица России, сердце ея, так сказать, — представляет столько замечательного, поучительного, священного, что в силу весьма естественных движений души русской, хочется знать: откуда все это? как произошло? как зародилось? как возникало?» — так начинал свою книгу «Седая старина Москвы» И. К. Кондратьев. Казалось, мнение о глубокой древности Первопрестольной глубоко укоренилось в сознании россиян, однако столице долго отказывали в праве иметь свои, местные археологические древности. Археологические памятники считали возможными только в южных районах России, где были известны артефакты эпохи Античности.

Здесь необходимо напомнить, что во времена Возрождения древние руины и артефакты, то есть древности, стали примером памяти «золотого века» античности.

Появляются специалисты, помогающие власть имущим собирать и поддерживать коллекции. Для обозначения тех, кто занимается древностями вообще (безотносительно к искусству), родилось слово «антикварий» («древностник»). С другой стороны, в 1732 г. в Англии было основано и «Общество дилетантов» — этим термином обозначали «любителей» древностей, сам термин появился ранее в Италии. Как правило, дилетанты финансировали труды и поиски профессиональных антиквариив. В качестве «классического» дилетанта в Великобритании прославился Томас Говард граф Эрендл, предпринявший по совету врачей путешествие в Рим в 1612 г. и откопавший помещение со скульптурными портретами. Свою коллекцию он привез в Лондон. Правда, поговаривали, что эти артефакты являлись копиями, изготовленными специально для богатого путешественника. С течением времени интерес специалистов и коллекционеров стал распространяться и на местные древности.

В России первоначально «антиквариив» и «дилетанты» выступали в одном лице. Интерес к древностям требовал значительных материальных трат. Назначенный в 1817 г. президентом Академии художеств Алексей Николаевич Аленин (начавший в 1812 г. писать свою фамилию через «о»), в 17 лет был отправлен обучаться в Дрезден. А. Н. Аленин считал главной задачей «сбор всего» и публиковал научные работы, посвященные не только античным артефактам, но и шлему Ярослава Всеволодовича и рязанскому кладу. Оленин называл себя археологом, хотя не посещал экспедиции, тем не менее им была составлена «Инструкция для улучшения методики полевых

исследований в Новороссии». В 1841 г. был задуман амбициозный проект: публикация «Древностей России», однако смерть Оленина в 1843 г. не позволила завершить этот грандиозный замысел.

И в дальнейшем развитие археологической мысли в России было связано с богатыми дилетантами, обладающими при этом значимыми государственными постами. Так, граф Лев Алексеевич Перовский, побочный сын графа А. К. Разумовского, составивший обширные коллекции греческих древностей и монет (переданы в Императорский Эрмитаж), кроме того, увлекавшийся минералогией и создавший большую коллекцию резных камней, был в 1841 г. назначен министром внутренних дел с сохранением должности товарища министра уделов, а с 1850 г. он стал заведовать Комиссией для исследования древностей. Отметим, что Академия художеств подчинялась этому вельможе.

Перовский поощрял археологические раскопки. В свое время он пригласил на работу в МВД своего племянника — также наследника громадного состояния А. С. Уварова, который предложил по своим мотивам раскапывать не античные объекты, а курганы около его родового имения в Карачарове.

В 1852 г. Л. А. Перовский становится министром уделов и окончательно подчиняет проведение археологических исследований данному ведомству.

После смерти Перовского в 1856 г. «археологическое направление» возглавляет один из ближайших друзей Александра II граф Сергей Григорьевич Строганов. В 1859-м им создается Императорская археологическая комиссия, которой с 1889 г. дается право на выдачу специальных разрешений на археологические раскопки — «Открытые листы».

Интересно отметить, что, когда И. Е. Забелин и Д. А. Ровинский предложили издавать в Москве журнал, посвященный древнему русскому искусству, граф, воспитанный в традициях классического искусства, ответил, что «никакого искусства на Руси до Петра не было и что он недоумевает, о каком искусстве будут они писать в своем журнале». (История императорского... 1900. С. 289)

Данная ситуация не устраивает не менее влиятельного царедворца, испытывавшего неприязненные отношения к Строганову, — А. С. Уварова, который в пику создает «Императорское московское археологическое общество». В рамках данной книги нет смысла исследовать сложные отношения, бывшие между данными уважаемыми организациями, — этому историческому и историографическому вопросу посвящены многочисленные публикации. Отметим только, что в целом Археологическая комиссия занималась античными памятниками, а Московское археологическое общество — первобытностью, славяно-русскими древностями и проведением съездов.

Постепенно в России появляются и профессиональные археологи. Эти люди обладали обширными познаниями в сфере прошлого, однако средств на проведение исследований часто не хватало. Приходилось обращаться к более богатым «дилетантам».

Так, к Карамзину пришел за поддержкой Зориан Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий), польский патриот и дезертир русской армии. Претерпев немало от своей причудливой судьбы, сменив фамилию, он при поддержке князя Адама Чарторыйского организует исследования славянских достопримечательных мест, став, по сути, пионером славянской этнографии. Однако, несмотря на публикации в ведущих журналах — «Вестник Европы», «Сын

отечества», — Доленга-Ходаковский влачил нищенское существование, а современники воспринимали его как полусумасшедшего чудака.

Сейчас следует признать, что намерения данного выдающегося исследователя древностей во многом опередили время и выглядят весьма современно: «Сбережем случайные, но довольно нередкие открытия, которые делаются в земле, — те разные небольшие изваяния, изображения, металлические орудия, посуду, горшки с пеплом. Сосчитаем и точно измерим все большие могилы, насыпанные в честь некой личности и одиноко пережившие века. Охраним от уничтожения надписи, высеченные на скале в подземных пещерах. Снимем планы с положения местностей, пользующихся давней известностью... Узнаем все названия, какие деревенский люд или его лекарки в разных странах дают растениям, соберем, сколько возможно, песни и старые гербы. Опишем главнейшие обряды. Внесем все это в единую книгу...» (Ходаковский, 1819–1820; 1830).

Адам Чарноцкий родился близ Несвижа в бедной шляхетской семье, учился в Слуцкой уездной школе. С 1807 г. служил помощником управляющего у новогрудского воеводы в Гродненской губернии. По рассказам друзей его юности, Адам рано увлекся историей, рылся в архивах, описывал народные обряды, собирал песни. В марте 1809 г. Чарноцкого арестовали. Причина ареста проста: он собирался выступить, как и многие патриоты Польши, на стороне Наполеона. Девять месяцев он просидел в тюрьме в Петербурге, потом его лишили дворянства, поверстали в солдаты и выслали в Омский гарнизон. Некоторое время он тянул солдатскую лямку, а потом скрылся. В войне 1812 г. был в польском легионе армии Наполеона. Вновь появился в родной для себя среде польской

интеллигенции в Западной Украине уже под именем Ходаковского. (Формозов, 1988.)

Впоследствии ему удалось познакомиться с министром народного просвещения князем А. Н. Голицыным, у которого он выхлопотал командировку на север и восток России для собирания сведений о городищах и памятниках археологических и этнографических. Доленга-Ходаковский собрал сравнительный лексикон 3000 урочищ, сведения о жальниках (могильниках) и «вологовках» Новгородской земли, «сопках» Старой Ладogi и материалы по вопросу о значении древнеславянских и русских городов и городищ. Результаты его исследований были изложены в статье «Историческая система Доленга-Ходаковского» (Исторический сборник, 1837. Кн. 3), найденной Погодиным в бумагах Доленга-Ходаковского и составляющей ответ его Калайдовичу по поводу неблагоприятного отзыва последнего о его теории городищ. Доленга-Ходаковский был первым, кто указал на важность изучения и описания городищ России и славянских земель. (Формозов, 1988.)

Он дал первое описание и план Дьякова городища, которое посетил в 1821 г. и интерпретировал как славянское святилище.

Надо сказать, что Доленга-Ходаковский был искренне уверен, что городища были языческими святилищами (Формозов, 1988).

Это городище ему показал другой не менее интересный персонаж русской археологии — К. Ф. Калайдович (1792–1832). Калайдович Константин Федорович, археолог и филолог, учился в Киевской академии, окончил Московский университет (1810), преподавал в гимназии при Московском университете (1810–1812), в 1812 г. служил в ополчении, с 1815 г. возобновил преподавательскую

деятельность. В 1818 г. перешел в Московский архив иностранных дел. С 1811 г. участвовал в московских обществах Любителей словесности, где и печатал свои тексты археологического содержания. В 1817–1818 гг. изучал библиотеки подмосковных монастырей. В 1828 г. издавал журнал «истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов» под названием «Русский зритель». Одной из главных целей его археологической деятельности было обследование городищ центральной России.

Именно Калайдовичу мы обязаны оформлением второй версии природы городищ: «Не оспариваю... что места славянских жертвоприношений и кумиры были на возвышении, могли окружаться валами, что в числе городищ найдется несколько таковых мольбищ, но решительно утверждаю, что большую часть оных составляют ограждения городов, селений и крепостей» (Формозов, 1988).

Так интеллектуальный поединок двух русских историков и краеведов породил полемику, которая до сих пор не стихает. Городища — это крепость или святилище? А может, это и то и другое, может быть, это протогород? Установить или решить эту проблему может многолетняя скрупулезная археологическая деятельность больших коллективов археологов. Увеличение наблюдений на раскопках, получение новых артефактов, извлеченных из земли, — вот единственный путь к решению этой задачи.

Конечно, Доленга-Ходаковский и Калайдович не были единственными археологами и историками. Они лишь начали пристально изучать Москву и ее округу и другие территории России, но подлинным археологическим изучением древностей Москвы эпохи дьяковской культуры на Дьяковом городище занимался В. И. Сизов. Именно он провел настоящие раскопки, именно он описал и опреде-

Дом Московского археологического общества на Берсеневской набережной. Палаты Аверкия Кириллова XVII в. Фото XIX в.

лил находки и дал их рисунки (эти рисунки уже достояние России, они разошлись по учебникам мира).

Особая роль в изучении московской старины принадлежит основателю «историко-археологического направления» в российской исторической науке, фактическому основателю Исторического музея в Москве — Ивану Егоровичу Забелину. Хотя как сотрудник Петербургской археологической комиссии он проводил археологические раскопки на юге России, Забелин во многом заложил фундамент москвоведения. Подготовив по поручению Московской Городской думы от 1881 г. фундаментальный труд «История города Москвы» (1-е издание вышло в 1902 г.), И. Е. Забелин сформулировал, наверно, главный тезис исторического и археологического изучения города: «историю города сооружали люди, поэтому о них

больше, чем о стенах и разных постройках, должен говорить историк». (Забелин, 1905, С. XX)

В первое послереволюционное десятилетие особую роль в изучении Москвы сыграли краеведческие организации.

Сергей Константинович Богоявленский в рамках Общества изучения Московской губернии собирал материалы к археологической карте Московской губернии. К сожалению, полностью этот справочник опубликован не был.

Большой объем работы в двадцатых годах был проделан обществом «Старая Москва». Аполлинарий Михайлович Васнецов возглавил это объединение в 1919 г. Его доклады в том числе посвящались наблюдениям за земляными работами в городе. Среди замеченных им объектов — остатки укреплений Белого города у Сретенских ворот, деревянный мост на Ленивке, белокаменная облицовка плотины Неглименского пруда, музеефицированная ныне в Музее археологии Москвы, ярусы древних мостовых на Тверской.

Петр Николаевич Миллер сменил Васнецова на посту председателя общества в 1923 г. П. Н. Миллер обратил внимание именно на археологические находки, сделанные в ходе разнообразных земляных работ: изразцы, глиняные подсвечники, трубки, помадные банки, опубликовав в 1928 г. статью «Московский мусор».

Отражением растущего интереса к археологической проблематике стало открытие в 1922 г. на факультете общественных наук Московского отделения археологии, где преподавали в том числе профессора Юрий Владимирович Готье и Василий Алексеевич Городцов. Из первого поколения советских археологов большинство москвичей прошло школу у Городцова.

В последнее время широкую известность получили исследования подземелий И. Я. Стеллецкого, который

в 1933 г. мастерски использовал интерес служб охраны к возможным подземным ходам в Кремль с целью найти библиотеку Ивана Грозного. Однако все изыскания закончились фиаско, да и психическое здоровье автора вызвало сомнения. (Стеллецкий, 1993.)

Новая страница археологического изучения Москвы была связана со строительством первой очереди метрополитена. В июне 1931 г. Пленум ЦК ВКП (б) принял решение о строительстве метрополитена, и с марта 1932 г. начались земляные работы на первом радиусе («Парк культуры» — «Сокольники»), завершённые к маю 1935 г. В состав работавших на строительстве были включены группы историков-архивистов и археологов. Последних привлекли, исходя из абсолютно прагматических резонансов: прежде всего требовались сведения о качестве проходимых грунтов, кроме того, в открывшиеся полости (а при разрытиях открытым способом нашли более ста старых колодцев, фундаментов старых зданий и т. п.) уходил дорогостоящий бетон. К тому же в 1934 г. вышло постановление ВЦИК и СНК СССР «Об охране археологических памятников», по которому все новостройки обязали учитывать археологический фактор.

Руководство работами доверили Артемию Владимировичу Арциховскому, которого с полным основанием можно назвать основоположником современного научного изучения археологии Москвы

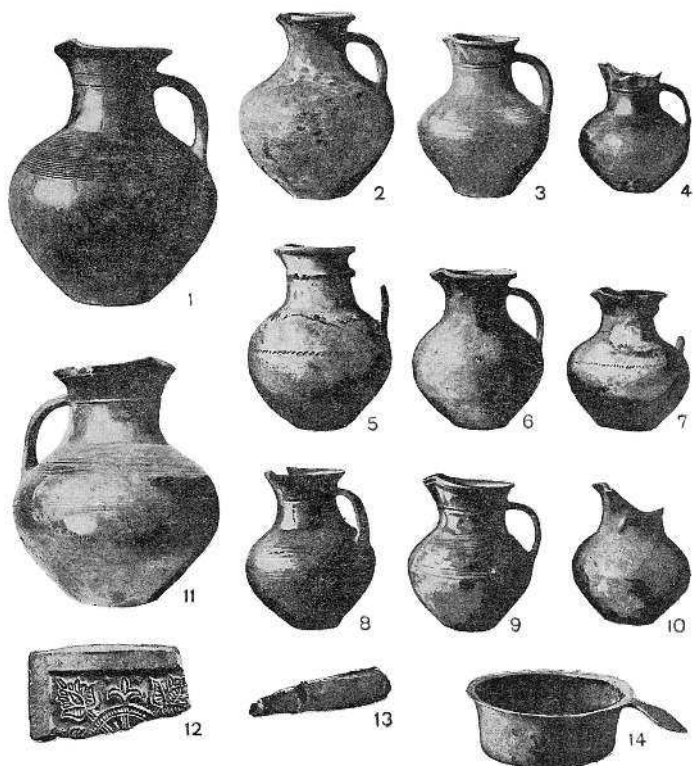
В состав археологической бригады вошли ученые Сергей Владимирович Киселев и Алексей Петрович Смирнов, впоследствии ставшие классиками советской археологии.

Активную роль в раскопках сыграл историк Николай Михайлович Коробков. Им же была написана первая книга о работах на Метрострое «Метро и прошлое Москвы», изданная в 1935 г.

Первой научной книгой по археологии Москвы стала итоговая публикация «По трассе первой очереди Московского метрополитена. Архивно-исторические и археологические работы академии в 1934 году». (М.-Л., 1936)

Отметим также организацию специальной выставки находок из метрополитена в Историческом музее.

1–11. Кувшины. 12. Фрагмент изразца. 13. Фрагментированное долото.
14. Медный ковш; древний колодец № 1, шахта № 9, Моховая ул., 26

Находки, обнаруженные при археологических наблюдениях
при строительстве Московского метрополитена
(Из книги: Арциховский А.В., 1936. Находки в колодцах на Моховой. //
По трассе первой очереди Московского метрополитена)

Хотя в предвоенный период археологические исследования затормозились, московская школа археологии уже сложилась, над ней неформально «шефствовали» сначала В. А. Городцов, а затем его ученик А. В. Арциховский, который, возглавив кафедру археологии исторического факультета МГУ, ввел в изданный тогда учебник археологии раздел по археологии Москвы.

Периоды «героических штурмов» московских древностей сменяли долгие годы затишья. В результате, хотя общее поступательное движение продолжалось, развитие археологии Москвы в последней трети XX в. разделилось на два потока: полевые работы, зачастую связанные с вынужденными под давлением обстоятельств обширнейшими вскрытиями, и фундаментальные аналитические научные исследования разведочного и отчасти охранного характера.

На следующем этапе, в 70-е годы XX века, роль организатора археологических исследований в Москве перешла к Музею истории и реконструкции Москвы, где отделом археологии руководил Александр Григорьевич Векслер, ставший впоследствии первым главным археологом Москвы. Особую роль сыграл организованный им в музее кружок школьников: большинство нынешних исследователей Москвы прошли через участие в этом кружке, а те, кто не посвятил себя археологии, играют значимую роль в разных сферах современной жизни.

Александр Григорьевич силами участников кружка (сейчас бы их назвали волонтерами) проводил наблюдения за вскрытиями культурного слоя города и собирал материал для новой археологической карты.

А. Г. Векслер был участником важнейшей научной дискуссии о времени основания Москвы, прошедшей в 60-е годы уже прошлого столетия. Он поддержал гипотезу о появлении города в XI веке. Археолог Музеев Крем-

